

М. А. Савинов

**«Неподобно государьскому величеству»:
к изучению конфликтов торговых и служилых людей
на крайнем Северо-Востоке в середине XVII в.**

В XVII столетии отношения торговых и служилых людей в Якутском уезде, на северо-восточном краю русских владений, были сложными и многогранными. Первые зачастую оказывались в материальной зависимости от вторых, при этом торговым людям была необходима военная защита, которую обеспечивали отряды казаков и нередко примыкавших к ним промышленников. Канва отношений, таким образом, включала как взаимопомощь (хрестоматийный пример — совместный поход Федота Алексея Попова и Семена Дежнёва), так и жесткие конфликты, отразившиеся в целом ряде документов Якутской приказной избы — основного (наряду с документами Сибирского приказа) источника для изучения истории Восточной Сибири XVII в. В центре нашего внимания один из таких конфликтов, случившийся зимой 1649/1650 г. в Уяндинском ясачном зимовье на реке Индигирке, одной из «дальних заморских рек».

Летом-осенью 1650 г. тяжелые ледовые условия, сложившиеся в Северном Ледовитом океане к востоку от устья Лены, привели к многочисленным авариям кочей, на которых шли к местам службы якутские казаки. Путь большинства из них начался еще в предыдущую навигацию, но старт в Арктику получился слишком поздним и ледостав захватил суда еще на Лене, «в Жиганех». По вскрытии реки весной-летом 1650 г. служилые вновь пустились в путь, в море также вышли и торговые люди. Историк полярного мореходства М. И. Белов отмечает, что в навигацию 1650 г. состоялось первое крупное плавание кочей караванами¹. Все суда вмерзли в лед между устьями рек Хромы и Индигирки в августе и начале

---

¹ *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 171–172. (История открытия и освоения Северного морского пути ; т. 1).

сентября, люди вытащили имущество на лед и двинулись (вместе и раздельно) на берег по льдам, а затем вверх по Индигирке.

Центром русской власти на Индигирке было ясачное зимовье, находившееся в устье реки Уяндины. В аутентичных документах оно обычно называется Уяндинским или Индигирским, также встречается выражение «Индигирский острожек» (любое зимовье «дальних рек» имело укрепления). Сюда в ноябре 1650 г. прибыли отряды Пантелея Мокрошубова и Тимофея Булдакова, которые должны были сменить предыдущую администрацию на Алазее и Колыме соответственно. Несколько раньше в зимовье пришел его новый законный хозяин — приказный человек Фома Кондратьев, сменявший прежнего приказного Константина Стефанова Дуная. От Кондратьева несколько отстали Иван Тархов и Андрей Горелый со своими людьми — они должны были нести службу в верховьях Индигирки. И, наконец, помимо казаков и промышленников, в зимовье обосновались купцы — Никита Федоров Воряпаев и Степан Семенов, имевшие собственных людей, большие запасы продовольствия, а также, как увидим дальше, и собственное помещение.

Ситуация, сложившаяся в зимовье, породила ряд конфликтов, которые отразились в корпусе актов — отписок и челобитных, направленных в Якутск участниками событий. Значительная часть этих документов, осевших в фонде Якутской приказной избы Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (ф. 160) опубликована. Впервые события зимы 1650/1651 гг. привлекли внимание археографов еще в XIX в., когда были изданы (по копиям Г. Ф. Миллера) отписки служилых людей Тимофея Булдакова² и Пантелея Мокрошубова³ о неудачном морском путешествии к местам их службы (отписки Ивана Тархова и Андрея Горелого также были изданы, но они сфокусированы не столько на делах зимовья, сколько на походах против юкагиров верховий Индигирки). Наибольший успех выпал на долю отписки Тимофея Булдакова, содержащей множество драматичных подробностей морского плавания — она привлекалась как важный источник по истории мореходства и в 2014 г. была переиздана с комментариями П. А. Филиным⁴.

---

² ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. № 79. С. 280–283.

³ Там же. № 78. С. 279–280.

⁴ *Филин П. А.* «Отписка служилого человека Тимофея Булдакова о плавании его по Ледовитому морю» как уникальный источник по арктическому

В тени отписок о морских приключениях оказался интересный, на наш взгляд, документ, рисующий подробности конфликтной ситуации, возникшей на зимовке между торговыми людьми и казаками, двигавшимися на Колыму и Алазею. О проблемах с Никитой Ворыпаевым и Степаном Семеновым писали и Тимофей Булдаков, и Пантелей Мокрошубов, но писали по-разному — если Булдаков жаловался прежде всего на непомерно завышенные купцами цены на муку (а также на то, что Степан Семенов вообще отказывался продавать ему муку и согласился только после уговоров Константина Дуная⁵), то Мокрошубов — на тот факт, что торговые люди категорически отказывались дать «вожей» — проводников, способных показать сухой путь с Индигирки на Алазею.

Фома Кондратьев, заинтересованный в уменьшении нагрузки на продовольственные ресурсы зимовья, в конце января попытался организовать отправку алазейской и колымской партий к месту службы сухим, «нартенным» путем. Требовались проводники. Для этого в ясачной избе был собран весь наличный состав служилых и промышленных людей, из которых надо было избрать добровольцев. Но торговые люди и их покрученники (наемные работники) на этот сход идти отказались. Вот как описывал этот конфликт Пантелей Мокрошубов: «А Степан Семенов да торговой же человек Микита Ворыпаев с покрученики в зимовье своем заперлися, и на пищалех лежали и в сенях и в нагородне, а вызывали их трижды и они не вышли»⁶. Больше никаких подробностей про этот эпизод в отписке нет, но проводник, вероятно, нашелся — 7 февраля партия Мокрошубова ушла с Индигирки и достигла цели — Алазейского зимовья — к 11 марта 1651 г.

В фонде Якутской приказной избы в непосредственном соседстве с отписками Булдакова и Мокрошубова, хранится небольшой документ, связанный с этим конфликтом, но никогда не издававшийся и не введенный в научный оборот. По своему содержанию эта отписка раскрывает фразу Мокрошубова «вызывали их трижды и они не вышли», повествуя о том, кто и как вызывал торговых людей из зимовья, а также указывает конкретную дату события — 30 января 1651 г. Приведем ее текст полностью и определим, какие подробности она добавляет к картине конфликта.

мореплаванию в XVII веке // Соловецкое море : историко-литературный альманах. Архангельск ; М., 2014. Вып. 13. С. 10–15.

⁵ ДАИ. Т. 3. С. 283.

⁶ Там же. С. 279.

«159 году генваря в 30 день на Индигирке реке в ясачном зимовье усть Уяндины Якуцкого острогу служилые люди, которые посланы из Якуцкого острогу на государеву службу на Алазейку и на Ковыму реки десятник казачей Пантелейко Мокрошубов с товарищи, да ковымщики Тимошка Булдаков Кузнец с товарищи ж пришед от Вуяндины от усть Осетровки в ясачную избу для государева дела для вожа что за⁷ ковымская и алазейская служба не стала. И в ясачной избе Фоме Кондратьеву с товарищи словесно били челом, чтоб велел собрать торговых и промышленных людей для государева дела в ясачную избу. И служилой человек Митка Иванов Плехан ходил и подушал, и прошлой таможенной целовалник Тимошка Микитин Казанец да Пенко Елисеев. И многие промышленные люди без ослушки все сошли, и их Стенкины и Микитины артилщики, а они, Стенка Семенов да Микитка Федоров Воряпаев Лалетин с покрученики, ослушались, и учинились сильны, трижды их звали, и они не пошли, и в зимовье своем заперлись, и бойницы поделали, и на оружие в нагородне и в сенях лежали⁸. И к ним ходил и розговаривать и звать преж служилой Митка Плехан, а вдругоряд ходили их же розговаривать пятидесятник казачей Костянтин Степанов Дунай, да с ним таможенной целовалник Васка Петров Курочкин⁹, а в третье ходил приказной Фома Кондратьев да Иван Михайлов Тархов да служилой их человек Данилко Лукьянов Скребыкин, и ходя, их розговаривали, чтоб сошли для государева дела в ясачную избу без боязни, и ссоры бы и смуты при аманатах не делали, потому что лутчие юкагирские князцовы дети в аманатах сядят человек с тринадцать¹⁰, что неподобно государьскому величеству. И они, Стенка и Микитка, служилым, которые ходили к ним, сказали: нейдем-де мы для того, что-де служилые люди ковымщики и алазейщики хотят нас грабить и розбивать, а мы, холопи государевы, посланы на ево государеву службу, а не на разбой и не на грабеж и не на розгону. А в то время были в ясачной избе служилые Иван Михайлов Тархов, Тимофей Микитин, Яков Микитин, да торговые и промышленные люди Стенкины и Микитины артилщики: Пенко Елисеев, да Тимошка Казанец,

---

⁷ Недописанное слово зачеркнуто, между строк вписано: и за вожем.

⁸ Над строкой вписано: и по служилых людех стрелять хотели.

⁹ Торговый человек Василий Курочкин, выбранный в целовальники на Индигирку, прибыл отдельным кочем в караване Воряпаева.

¹⁰ Над строкой вписано: а рускому языку-де поволны.

Савка Семенов Роздрока, Федка Яковлев, да сторонные: Васка Федоров Мошенников Москвитин, промышленные Ивашка Денисов Хворой, Тренка Яковлев Ус Пеняжанин, Савка Данилов Кривой Вымитин, Ивашко Александров, Ивашко Петров, Ивашко Марков Короткой Двиняна, Ермачко Фокин Кокшар, Ивашко Емельянов Колмогорец, Васка Савин Вятчанин, Трофимко Федоров Устюженин, Щербачко¹¹ Устюжанин, Микитка да Гришка Яковлевы дети Чердынцы, Пронька Федоров Соковнин»¹².

Итак, Ворыпаева и Семенова вызывали из зимовья трижды, и они не вышли, более того — готовы были применить оружие. Зимовье у них «свое», то есть, вероятно, собственное. Его описание совпадает с описанием Мокрошубова, добавляя только факт устройства бойниц. Что вообще из себя представляло в это время Уяндинское зимовье в плане строений и фортификации, можно до некоторой степени понять из «передаточного» акта, составленного непосредственно перед интересующими нас событиями. Новый приказный Фома Кондратьев «у него, Костянтина (Дуная. — М. С.), принял на усть Яндины реки две избы с нагороднями да амбаришко малое казенное»¹³. Но и это описание, скорее всего, неполное — не факт, что в число «государевых построек» входило «частное» зимовье купцов, представлявшее, насколько видно из документа, отдельное строение с нагородней (дополнительным укреплением над основным срубом), сенями и, как видно из документа, даже бойницами.

Отписка подробно повествует о том, кто и в какой последовательности вызывал из зимовья Ворыпаева и Семенова, и в каких именно выражениях торговые люди объясняли свое нежелание помогать казакам. Статус «парламентера» от служилых за три «вызова» повысился от рядового казака до приказного человека Фомы Кондратьева, действующего главы русской власти на Индигирке. По-видимому, именно с ним торговые люди снизошли до разговора. Важно отметить, что обе стороны апеллировали к авторитету государя — служилые люди увещевали торговых «не чинить смуты» в присутствии аманатов-юкагиров, что «неподобно

¹¹ *Над строкой вписано:* Наумко.

¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 33.

¹³ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах : сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке / сост. М. И. Белов. Л. ; М., 1952. № 67. С. 196.

государьскому величеству», но и купцы утверждали, что они «посланы на государеву службу», тогда как «транзитные» казаки («ковымщики» и «алазейщики») будто бы угрожают им грабежом и физической расправой. Это вполне могло быть так — конфликтующие находились на зимовье уже долгое время, а поводом для ссор и угроз выступало, скорее всего, продовольствие¹⁴. Торговые люди не только имели собственный запас муки (по оценке Булдакова до пятисот пудов!), но и скупили у окрестных юкагиров запасы рыбы¹⁵, добившись, таким образом, своеобразной продовольственной монополии, позволявшей завышать цены и выдвигать условия.

Как изданная отписка Мокрошубова, так и наш документ подчеркивают, что, кроме Ворыпаева, Степана Семенова и их покрученников, все остальные обитатели зимовья пошли на сход и «не ослушались». Но отписка, приведенная нами, разделяет среди людей Ворыпаева и Семенова покрученников (не пошли) и «артильщиков» (пошли), что говорит о разных моделях отношений этих двух групп с хозяевами. Артель — добровольное объединение промысловиков, и, возможно, здесь речь идет о некоем сотрудничестве промышленников с купцами («Стенкины и Микиткины артильщики»), но более свободном, чем договор «покруты». Отправившись на сход, артельщики выказали солидарность с остальными промышленникам Индигирки и меньшую зависимость от торговых людей, чем покрученники.

Очень интересным представляется и указание на то, что аманаты-юкагиры не только имеют возможность слышать общение русских между собой, но и знают русский язык! Вообще для общения с «иноземцами» в русских зимовьях служили «штатные» толмачи, которые выбирались особым образом и должны были приносить присягу. В Уяндинском зимовье в это время имелась «юкагирской толмач баба именем Бырчика родом тынгуска»¹⁶.

---

¹⁴ В фонде Якутской приказной избы сохранилась жалоба Степана Семенова, в которой он утверждал, что 25 ноября 1650 г. Булдаков с «колымщиками» ограбили его, забрав 30 пудов ржаной муки и 12 беремян юколы, причем сделали это «по наученью служилых людей Фомы Кондратьева с товарищи» (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ед. хр. 961. Л. 68). Никакая «государева служба» купцов в этом документе не упоминается, но зато можно проследить своеобразную солидарность служилых, направленную против торговых людей.

¹⁵ ДАИ. Т. 3. С. 282–283.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 54. — А. А. Бурькин полагал, что реальное имя этой женщины — Бэрчек (*Бурькин А. А. О практике*

Уже само это определение красноречиво описывает языковую ситуацию в зимовье, где находились аманаты из двух племенных групп юкагиров — янга и шоромба, при этом толмачила тунгуска (эвенкийка? эвенка? — но тогда она скорее была бы определена как «ламутка»!), понимавшая как диалекты юкагиров, так и русский язык. При этом, как видим, картина была еще более сложной и русские разговоры вполне могли быть понятны туземным обитателям «аманатской избы».

общения русских землепроходцев с коренным населением Северо-Востока Азии в середине и второй половине XVII века // Якутия — форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века). Якутск, 2004. С. 40).